

УДК 94(571)

Е. В. Почеревин

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУР ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КАМПАНИИ 1901–1902 ГГ.

Статья посвящена исследованию степени участия губернского и уездного уровня власти Томской губернии в осуществлении мероприятий в рамках продовольственной кампании 1901–1902 гг. В основном рассмотрена деятельность крестьянских начальников Змеиногорского уезда по разработке и планированию способов перевозки выделяемого государством зерна до его конечных получателей. Изучена работа крестьянских начальников по закупке хлеба на местах. Автор приходит к выводу о значительной степени участия местной администрации в организации транспортировки «казенного хлеба» от пунктов его сосредоточения до нуждающихся селений.

Ключевые слова: продовольственная кампания, крестьянский начальник, местное самоуправление, Томская губерния начала XX в.

Е. V. Pocherevin

PARTICIPATION OF LOCAL ADMINISTRATIVE STRUCTURES OF TOMSK PROVINCE IN ORGANIZATION OF FOOD CAMPAIGN 1901–1902

The article is devoted to the study of the participation of the guberniya and uyezd administration of the Tomsk province in the implementation of measures within the framework of the food campaign of 1901–1902. The activity of the peasant chiefs of the Zmeinogorsk uyezd on the development and planning of methods for transporting grain allocated by the state to its final recipients is considered. The work of peasant chiefs on the purchase of grain in the field is considered as well. The author comes to the conclusion about a significant degree of participation of the local administration in organizing the transportation of “grain on public expense” from the points of its concentration to the needy villages.

Keywords: food campaign, peasant chief, local government, Tomsk guberniya of the early 20th century.

В неурожайные годы помощь населению оказывалась централизованно. Государство не только играло роль организатора мероприятий, но и выделяло финансовые средства для преодоления последствий неурожая. Данная статья призвана показать место и роль местных (губернских и уездных) административных структур в проведении продовольственной кампании 1901–1902 гг. в Томской губернии.

По мнению министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, продовольственная кампания 1901–1902 гг. была подготовлена и проведена более организованно, чем предшествующие [1, с. 238]. Масштабная работа по исследованию продовольственной кампании 1901–1902 гг. в России была проведена Е. В. Белокуровым, опубликовавшим серию статей на эту тему [2; 3; 4]. В целом, автор оценивает меры, принятые правительством и местными властями, как успешные. Говоря об организации системы продовольственной помощи в масштабах Российской империи, С. И. Чудов указывает на неспособность государства обеспечить хлебом население в чрезвычайных ситуациях [5]. О некоторых мероп-

риятиях по оказанию помощи населению в 1900–1902 гг. в Томской губернии повествует статья Д. Н. Белянина [6]. Автор приходит к выводу об эффективности и своевременности принятых мер. Им отмечена активная роль губернских чиновников в организации продовольственной помощи.

В 1901 г. наибольший объем государственной помощи был оказан Томской губернии: она составила почти четверть общероссийских расходов. На закупку и доставку хлеба было израсходовано 9,5 млн руб., было выдано населению свыше 9 млн пудов зерна [4, с. 181]. Змеиногорский уезд в рассматриваемый период попал в «полосу неурожая», населению требовалась поддержка. В конце августа 1901 г. для обсуждения способов оказания продовольственной помощи селениям, пострадавшим от неурожая, по инициативе томского губернатора было созвано экстренное заседание Змеиногорского уездного съезда крестьянских начальников. В ходе совещания было высказано мнение, что для осуществления должного надзора за деятельностью хлебных складов их не должно быть слишком много. Селения, где могли быть расположены хлебные пункты, должны были отвечать ряду критериев — иметь приспособленные для хранения хлеба помещения и удобное сообщение с Барнаулом. Кроме того, было высказано пожелание о размещении складов в волостных селах. Это давало гарантию безопасности хранилищ, более широкие возможности по организации учета приема и выдачи хлеба. Такими пунктами были назначены с. Змеиногорское, с. Локтевское, с. Бобровское, с. Белоглазовское и с. Шелковниковское. По мнению членов съезда, перевозка могла быть осуществлена самими крестьянами, потенциальными получателями хлебной ссуды. Предполагалась дифференцированная оплата их труда: 15–30 коп. за пуд при транспортировке колесным путем и 18–75 коп. — зимним путем. По расчетам съезда, на всю транспортную операцию требовалось затратить 534 377 руб. Способ найма крестьян виделся чиновникам более предпочтительным, чем подряд извозчиков, поскольку был более дешев и давал дополнительный заработок пострадавшим крестьянам. Поскольку некоторые сельские общества требовали помощи уже с октября, съезд крестьянских начальников ходатайствовал о немедленной доставке хлеба. По мнению членов съезда, именно в августе был благоприятный момент для закупки хлеба в ближайших селениях Бийского и Барнаульского уездов, а также для его дешевой перевозки. Требуемыми срочной помощи были признаны все селения Локтевской волости и ряд населенных пунктов других волостей уезда [7, л. 2–4].

На экстренных заседаниях Змеиногорского съезда крестьянских начальников 25 сентября и 5 октября 1901 г. по предложению губернатора рассматривались способы перевозки «разрешенного к выдаче населению» хлеба из Барнаула и п. Ново-Николаевского. При этом наилучшим способом был признан тот, при котором транспортировка производилась бы обособленно каждым селением. Сельское общество за плату вывозило бы свою долю хлеба, складировало в хлебозапасной магазин, после чего в сроки, определяемые крестьянским начальником, выдавались бы ссуды. В ходе обсуждения съезд пришел к выводу, что беднейшие сельские общества не смогли бы организовать предлагаемый способ доставки, к тому же некоторые не имели хлебозапасных магазинов. Более того, таким обществам хлеб был необходим как можно быстрее и в больших объемах. Выдача хлеба из сельских магазинов с выполнением правил отчетности, по мнению съезда, не могла быть организована с должной аккуратностью, был высок риск пожара и краж. Поэтому задачу по перевозке хлеба из Барнаула и п. Ново-Николаевского было решено возложить на волости, которые должны были распределить нагрузку между сельскими обществами в зависимости «от перевозных сил и средств». Хлеб необходимо было доставить в волостные пункты, откуда сельские общества сами обязаны были вывозить свою долю. Такой порядок предлагалось установить для волостей первого и второго крестьянских участков. Волости третьего участка были слишком удалены от указанных пунктов, поэтому предполагалось создать перевалочный склад в с. Змеиногорском, из которого население участка должно было забирать хлеб так же, как указано выше. Съезд планировал завершить вывоз санным путем из Барнаула в октябре–ноябре.

После этого следовало приступить к перевозке хлеба из п. Ново-Николаевского. Члены съезда полагали, что на проведение мероприятия потребуется около 60 тыс. подвод, что явилось бы делом «изнурительным для населения». Ближе к весне, считали чиновники, когда крестьяне «будут беречь лошадей», возможно, придется прибегнуть к подрядному способу доставки и нанимать возчиков ближе к п. Ново-Николаевскому. В связи с этим предполагалось, что заведующий продовольственным делом уезда, крестьянский начальник Кандауров, будет находиться не в своей резиденции в с. Змеиногорском, а в п. Ново-Николаевском, куда переместится «центр всей операции» [7, л. 16–17 об.].

Кандауров предлагал провести транспортировку хлеба в три приема: из Барнаула около 200 тыс. пудов и из п. Ново-Николаевского 300–400 тыс. пудов по зимнему пути. Кроме того, с началом весенней навигации по рекам Оби и Иртышу предлагалось организовать подвоз хлеба до Барнаула, Семипалатинска и Усть-Каменогорска. По мнению чиновника, санный путь должен был установиться в середине октября, после чего можно было начинать планомерную работу по перевозке хлебных запасов, а в начале ноября — выдавать ссуды. Селениям, которым требовалась немедленная помощь, Кандауров предлагал выдавать пособия из запасов в с. Белоглазово, где уже имелось около 8 тыс. пудов зерна. Кроме того, в окрестностях Усть-Каменогорска уже закупался хлеб до 4–5 тыс. пудов. Всё это должно было в полной мере и своевременно обеспечить население продовольствием.

В середине ноября 1901 г. Томское губернское управление, рассмотрев предложения уездных властей, согласилось с большинством из них. Посчитав, что расстояние от п. Ново-Николаевского до Змеиногорского уезда слишком велико (около 500 верст) для использования крестьянских подвод, управление предложило возить хлеб из п. Ново-Николаевского в Барнаул с помощью наемных извозчиков. Соответственно, отпадала необходимость в командировании Кандаурова [7, л. 18–23 об.].

Кроме разработки планов транспортировки «казенного хлеба» от узловых пунктов к местам его потребления, представители администрации занимались закупкой продовольствия на местах. В начале декабря 1901 г. крестьянский начальник третьего участка Шигорин телеграфировал губернатору о возможности купить для населения Зырянской и Бухтарминской волостей до 6 тыс. пудов хлеба. Учитывая трудности доставки, губернатор предложил уездному съезду крестьянских начальников обсудить этот вопрос — возможен ли привоз хлеба из правительственных запасов или его необходимо закупить на месте. В ходе работы уездного съезда в январе 1902 г. выяснилось, что Шигориным была организована доставка хлеба для Зырянской и Бухтарминской волостей и «результаты его работы превзошли все ожидания». Для других волостей участка им уже было закуплено около 3500 пудов хлеба. Съезд просил Томское губернское управление о разрешении докупить ещё 2500 пудов и утвердить уже сделанные закупки. Ответ управления был положительным [7, л. 27–28 об.].

Во второй половине июня 1902 г. Змеиногорский уездный съезд крестьянских начальников по инициативе Шигорина возбудил ходатайство перед Томским губернским управлением. Было высказано предложение о финансировании вспомогательного склада в с. Змеиногорском за счет «общего продовольственного ассигнования в Томской губернии». Поскольку для волостей третьего крестьянского участка данный склад служил тем же, чем для всего уезда склад в Барнауле, было принято целесообразным содержать его из того же финансового источника. До этого, с ноября по июнь, расходы по содержанию змеиногорского склада несли волости участка [7, л. 39–40].

В начале июля 1901 г. крестьяне с. Убинского Ново-Шульбинской волости Змеиногорского уезда подали жалобу министру внутренних дел о том, что им никто не оказывает помощь в борьбе с последствиями неурожая [7, л. 46–47]. Уездный съезд крестьянских начальников дал объяснения по поводу прошения в июле 1902 г. Из рапорта, поданного в Томское губернское управление, видно, что меры по оказанию помощи были предприняты.

В ноябре 1900 г. съездом крестьянских начальников с. Убинское не было признано «неблагополучным», тем не менее из выданной на волость хлебной ссуды переселенцы и непричисленное население села получило продовольственное и семенное зерно. Крестьянский начальник Студенкин оказал содействие в покупке крестьянами села зерна и муки в соседней Владимирской волости в мае 1901 г., причем деньги в размере 2415 руб. крестьянами не были выплачены и долг был переведен на счет казны. В продовольственную компанию 1901–1902 гг. село было признано нуждающимся и получило хлебную ссуду [7, л. 42–43]. В мае 1901 г. крестьянский начальник Студенкин «вошел в частное соглашение с частными лицами» с целью покупки хлеба для нуждающегося населения его участка. Крестьяне при содействии чиновника покупали хлеб с условием выплаты его стоимости в конце 1901 г. Однако новый неурожайный год не позволил кредиторам осуществить погашение долга. В сентябре 1902 г. было возбуждено ходатайство перед МВД о принятии долгов частным лицам в размере 24 644 руб. на счет продовольственного капитала. Прошение было удовлетворено Земским отделом МВД, крестьяне оставались должниками не перед частными продавцами, а перед государственным казначейством. В июле 1903 г. Томское губернское управление утвердило перевод 19 738 руб. для погашения долгов. Оставшиеся 4121 руб. не были переданы уезду ввиду отсутствия оправдательных документов, которые было предложено предоставить крестьянскому начальнику Студенкину [8, л. 5–7].

Для изучения деятельности уездных чиновников в рамках мероприятий по оказанию продовольственной помощи имеет смысл рассмотреть их отчетную документацию. В качестве организатора продовольственного дела крестьянский начальник Кандауров получил в 1901–1902 гг. денежные средства в объеме 775 733 руб. для проведения мероприятий по оказанию помощи населению уезда. Кроме того, 18 500 руб. было выдано крестьянскому начальнику Шигорину. Из них на закупку продовольствия было истрачено 429 128 руб. Около половины (45 %) средств было израсходовано этими чиновниками на транспортировку казенного зерна и муки. Всего на перевозку в уезд 1 млн 490 тыс. пудов хлеба было затрачено 411 044 руб. Кроме указанных чиновников, в транспортной операции были задействованы бывший пристав п. Ново-Николаевского Поляков и крестьянский начальник первого участка Барнаульского уезда Вайнилович. При подведении итогов губернскими властями выяснилось, что нет документального подтверждения расходов на сумму 13 674 руб., из которых главную часть (11 800 руб.) составляли выплаты Шигориним курьинскому волостному старшине за организацию одного из этапов перевозок [9]. Имело ли здесь место финансовое злоупотребление и попытка присвоения государственных средств, выяснить не представляется возможным. Со стороны же крестьянского населения, задействованного в транспортировке хлеба, случаи растраты перевозимого зерна зафиксированы документально.

В августе 1903 г. Томское губернское управление рассматривало ходатайства представителей Ново-Шульбинской волости Змеиногорского уезда, в котором высказывалась просьба об освобождении большой группы крестьян от выплаты компенсаций за утраченный ими при перевозке из п. Ново-Николаевского и Барнаула казенный хлеб. Всего было растрчено 15 053 пудов стоимостью 23 333 руб. Губернское управление признало ходатайства «не заслуживающими уважения». Было принято решение о признании виновными 524 возчиков из шести деревень Ново-Шульбинской волости и привлечении их к судебной ответственности. Кроме того, было решено признать виновным бывшего волостного старшину в халатном отношении к своим обязанностям по контролю над старостами во время их командировки за хлебом. Старшина не пресек злоупотребления возчиков, несмотря на заявление о том волостного писаря. Со своей стороны, губернатор полагал, что включение стоимости растрченного хлеба в сумму недоимки виновных крестьян, было бы для них достаточным наказанием.

В Земском отделе МВД для обсуждения этого вопроса было созвано совещание под председательством товарища министра А. С. Стишинского, которое определило, что нельзя допустить взыскания растрченного хлеба. Для соблюдения законности необходимо было

привлечь виновных к ответственности в судебном порядке. Дело о возчиках, растративших хлеба более чем на 300 руб., требовалось выделить в отдельное производство. Прочих — привлечь к ответственности посредством мирового суда [8, л. 17–19].

Томским губернским управлением в сентябре 1906 г. был составлен отчет о выдаче хлеба населению Томской губернии в 1900–1902 гг. Сведения, содержащиеся в журнале общего присутствия, неполные, поскольку часть отчетной документации по Барнаульскому, Каинскому и Томскому уездам была ранее рассмотрена и утверждена правлением. Однако это не слишком исказило общую картину. Основная масса зерна была доставлена «агентами министерства финансов», только около 14 % было закуплено местными учреждениями [подсчитано по: 10]. В сочинении А. С. Ермолова также отмечается незначительное участие местных учреждений Томской губернии в закупке зерна [1, с. 253]. С другой стороны, трудно ожидать, что в местности, переживающей неурожайные годы, можно было приобрести серьезные объемы продовольствия. Роль местной администрации в организации транспортировки продовольствия, безусловно, значительна.

Таким образом, в условиях организации экстренной помощи населению уездная администрация в центре практических мероприятий. Съезд крестьянских начальников разрабатывал планы и тактику осуществления транспортировки «казенного хлеба». При этом учитывалась местная специфика, предполагаемое развитие ситуации и повседневная крестьянская действительность. На совещаниях требовалось не только определить нуждающиеся селения, но и выбрать оптимальный вариант доставки, учета и хранения хлебных запасов. Кроме этого, крестьянские начальники осуществляли меры по закупке зерна и муки на месте, чтобы обеспечить остро нуждающиеся селения. Такие действия требовали согласования с губернскими органами власти, но, как правило, получали одобрение. Несмотря на активные действия уездных властей, не всегда удавалось держать ситуацию под контролем, и крестьяне подавали жалобы. В структуре расходов около половины средств было затрачено на транспортировку хлеба к местам его потребления. Известен случай массовой растраты возчиками перевозимого ими «казенного хлеба». Последствием чего стало привлечение их к судебной ответственности. Если степень участия уездной власти в закупке хлеба не столь заметна на фоне объемов государственной помощи, то организация ее транспортировки — огромна.

1. *Ермолов А. С.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. 1. 598 с.

2. *Белокуров Е. В.* Продовольственная кампания 1901–1902 годов: к вопросу об организации продовольственного дела в России (конец XVIII — начало XX в.) // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6. С. 27–38.

3. *Белокуров Е. В.* Продовольственная кампания 1901–1902 годов: неурожай 1901 г. и меры правительства по борьбе с ним // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1. С. 45–53.

4. *Белокуров Е. В.* Продовольственная кампания 1901–1902 годов: итоги и последствия // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 181–187.

5. *Чудов С. И.* Проблема обеспечения продовольствием населения России в неурожайные годы XIX в. // Вестн. алт. науки. 2014. № 2–3(20–21). С. 300–303.

6. *Белянин Д. Н.* Основные мероприятия по оказанию помощи крестьянству в неурожайные годы в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история Сибири XIX — XXI вв. : материалы III Всерос. науч. конф. (Барнаул, 29 июня — 1 июля 2012 г.). Барнаул : АКИПКРО, 2012. Т. 1. С. 186–193.

7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 653.

8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 837. Л. 5–7, 17–19.

9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 835. Л. 1–8.

10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 892. Л. 77–85.

УДК 94(57)

М. В. Семиколонов, А. Н. Худолеев

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ КРЕСТЬЯН НА ЗЕМЛЮ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена изучению проблемы собственности крестьян на землю в сибирском регионе дореволюционного периода в трудах отечественных исследователей. Анализируются подходы авторов к проблеме крестьянской собственности. Делается вывод о дискуссионности и малоизученности данной темы. Особенно это касается результатов работы комиссии под руководством барона М. Н. Медема. Позиция ученых зависела от применяемого методологического инструментария, репрезентативности источниковой базы и принадлежности к той или иной исторической школе.

Ключевые слова: М. Н. Медем, крестьянская реформа, земельная собственность, аграрное законодательство, сибирский регион, отечественная историография.

М. V. Semikolenov, A. N. Khudoleev

STUDY OF THE PROBLEM OF PEASANT PROPERTY ON THE LAND IN THE SIBERIAN REGION OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the study of the problem of peasants' ownership of land in the Siberian region of the pre-revolutionary period in the works of domestic researchers. The authors' approaches to the problem of peasant property are analyzed. The conclusion is made about the debatable and poorly studied nature of this topic. This is especially true of the results of the work of the commission under the leadership of Baron M. N. Medem. The position of scientists depended on the methodological tools used, the representativeness of the source base and belonging to a particular historical school.

Keywords: M. N. Medem, peasant reform, land ownership, agrarian legislation, Siberian region, domestic historiography.

Проблема собственности на землю в Сибири до настоящего времени остается малоизученной исследователями. Так, многие из них упоминают лишь вскользь об указе от 24 ноября 1866 г., согласно которому крестьянам европейской части России было предоставлено право частной собственности на землю, однако оно не распространялось на территорию Сибири. Причины этого оказались вне поля зрения ученых. Последующие попытки правительства ввести частную собственность на землю остались тщетными, но ближе всего к интересам крестьян была приближена комиссия барона М. Н. Медема, о которой есть только упоминания в научной литературе. Между тем правительственная борьба сторонников частной собственности и ее противников в то время достигала своего апогея. Консервативность мышления правительственных чиновников сыграла свою роль. Частная собственность на землю в Сибири так и не была введена. Аграрная реформа П. А. Столыпина, имевшая своей целью предоставить право собственности на землю крестьянам, потеряла бы свою необходимость, если бы задолго до нее, в 1873 г., решения комиссии барона М. Н. Медема воплотились в жизнь.

Работа комиссии барона М. Н. Медема до сих пор остается слабоизученной в трудах исследователей. Упоминания о данной комиссии и начальный этап ее деятельности

содержится в работах А. Т. Топчего [1], В. Н. Худякова [2], Л. М. Дамешека [3], М. В. Дорофеева [4]. А. Т. Топчий писал, что причиной создания комиссии барона М. Н. Медема послужила необходимость провести межевые работы в Сибири и решить вопрос о поземельном устройстве государственных крестьян Сибири [1, с. 131]. По мнению Л. М. Дамешека, комиссия барона М. Н. Медема должна была рассмотреть возможность распространения на государственных крестьян Сибири положения указов 18 января и 24 ноября 1866 г. [3, с. 39]. М. В. Дорофеев подчеркнул, что в России с древних времен очень твердо было понимание владения в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало [4, с. 172].

В других исследованиях каких-либо сведений о данной комиссии нет. Однако рассматривать результаты работы комиссии и ее дальнейшее влияние на выработку земельно-устроительного закона в Сибири оторвано от вопросов крестьянского землепользования и взглядов самих крестьян на проблему собственности на землю нельзя. Хозяйственное освоение Сибири зависело от влияния природно-географического фактора, а также обычного права.

Особо необходимо подчеркнуть значимость работ В. Г. Тюкавкина, в которых раскрывается организация переселения в Восточной Сибири, освещается история сибирской деревни, исследуются особенности развития сибирского капитализма, объясняются причины переселения крестьян в Сибирь. Основное внимание он уделял целям землеустроительной реформы в контексте общей аграрной политики царизма в Сибири. Их оценки, в частности, связаны с его своеобразными взглядами на характер поземельных отношений сибирских крестьян и вопрос роли частной собственности на землю. Он считал, что в Сибири, вопреки законам, крестьяне «землей фактически не только владели, но и распоряжались» [5, с. 122]. В другой работе В. Г. Тюкавкин пишет: «Фактически крестьяне Сибири распоряжались землей как юридической собственностью, используя права и владения, и пользования, и распоряжения землей. Но закон признавал за крестьянами только право владения и пользования, а право распоряжения оставлял за государством» [6, с. 175].

Попытка разобраться в сущности понятий «землевладение» и «землепользование» принадлежит Ф. Г. Сафронову [7]. Автор справедливо обращает внимание на то, что земельные участки сибирских крестьян одновременно называются то участками пользования, то участками владения, а сами крестьяне — то владельцами, то пользователями. Здесь исследователи не задумывались над простым вопросом: владеть можно только собственностью. Следовательно, поскольку земля была собственностью государства, то владельческие права принадлежали государству, а не крестьянам. Последние выступали не владельцами, а только пользователями. Поэтому необходимо унифицировать употребляемые понятия и в дальнейшем применять термины «землепользование» и «землепользователи».

Огромное значение имеет статья Л. М. Дамешека. Автором была предпринята попытка рассмотреть правительственные дискуссии по вопросу введения частной собственности в Сибири и представить обзор работы комиссии барона М. Н. Медема [3]. Важной является работа С. В. Селиверстова [8]. Автор рассматривает сущность права собственности крестьян на землю во взглядах западников и славянофилов. Данный вопрос является важным, так как правительственные преобразования не могли существовать оторвано от общественной политической мысли второй половины XIX в.

Необходимо отметить работу В. А. Ильных и Г. А. Ноздрина [9]. В ней дается обзор аграрной политики государства. Важно отметить, что авторы обратили внимание на то, что начало созданию закона о сибирском землеустройстве было положено комиссией М. Н. Медема при Министерстве государственных имуществ в 1871 г. При этом вопросы, которые рассматривались комиссией, не освещаются, а анализ ее работы не проводится. Нельзя обойти вниманием работу Ю. В. Олейниковой. Автор акцентировал внимание на ключевом моменте, а именно, что земельное устройство крестьян в Сибири определялось указом от 24 ноября 1866 г. на общих с крестьянами Европейской России основаниях. Вследствие этого в 1870-х гг. при Министерстве государственных имуществ была образована комиссия под председательством барона М. Н. Медема, которая пришла

к заключению о необходимости выработать для Западной и Восточной Сибири общее положение о земельном устройстве ее сельских жителей. Однако основные положения закона от 24 ноября 1866 г. и деятельность комиссии барона М. Н. Медема автором не рассмотрена. Ю. В. Олейникова справедливо отмечает, что государство вынужденно давало обещания урегулировать земельные споры, но далеко не всегда эффективно и своевременно выполняло их [10, с. 21].

Привлекает внимание работа А. А. Храмова «Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян». Автор проанализировал дискуссии, возникшие в правительственных комиссиях в ходе обсуждения принятия закона о поземельном устройстве. Следует отметить, что исследователь обратил пристальное внимание на проблему частной собственности на землю и возможность ее введения для сибирских крестьян. А. А. Храмов отмечал, что комиссия М. Н. Медема считала необходимым положить в основание поземельного устройства в Сибири начала указа 24 ноября 1866 г. для государственных крестьян Европейской России (перевод крестьян в разряд крестьян-собственников, но с обязанностью платить государственную оброчную подать) [11, с. 29].

Анализ исторической литературы показывает, насколько сложной и противоречивой является проблема крестьянского землепользования в Сибири. Интересы исследователей были направлены на влияние природно-географического фактора при освоении региона, формы землепользования, переселения и политику правительства по данному вопросу, но не акцентировалось внимание на вопросах земельной собственности, и не подверглась подробному анализу работа комиссии барона М. Н. Медема, имевшая огромное значение для выработки аграрного законодательства Сибири.

1. *Топчий А. Т.* Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. 278 с.

2. *Худяков В. Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1986. 263 с.

3. *Дамешек Л. М.* Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1984. С. 34–48.

4. *Дорофеев М. В.* Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. 320 с.

5. *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября. (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 472 с.

6. *Тюкавкин В. Г.* Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Сибирь периода капитализма : Материалы по истории Сибири. Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1967. Вып. 3. С. 166–189.

7. *Сафронов Ф. Г.* О землепользовании крестьян дореволюционной Сибири (вопросы терминологии) // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX вв. (классовая борьба, общественное сознание и культура). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1975. С. 147–154.

8. *Селиверстов С. В.* Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли (вторая половина XIX века). Караганда : Изд-во КарГУ, 1995. 315 с.

9. *Ильиных В. А., Ноздрин Г. А.* Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007. 170 с.

10. *Олейникова Ю. В.* История природопользования крестьян Сибири (вторая половина XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2009. 30 с.

11. *Храмов А. А.* Земельная реформа в Сибири (1896–1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. 92 с.